

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. — «Руритания» и «Мегаломания» как «идеальные модели» в концепции национализма Э. Геллнера и перспективы ее применения для изучения истории Ирана // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.40985 EDN: VCLNXC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40985

«Руритания» и «Мегаломания» как «идеальные модели» в концепции национализма Э. Геллнера и перспективы ее применения для изучения истории Ирана

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

доктор исторических наук

Воронежский государственный университет, доцент кафедры регионаведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и методология исторических исследований"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.4.40985

EDN:

VCLNXC

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2023

Аннотация: Цель этого исследования – анализ возможности использования классических теорий национализма для анализа истории иранского национализма как неевропейского. Автор анализирует идеальные модели Руритании и Мегаломании как воображаемых национализирующихся и модернизирующихся обществ, предложенных Э. Геллнером. Предметом статьи является теория национализма Эрнеста Геллнера, объектом – возможности ее применения и трансплантации в иранских исторических исследованиях. Новизна исследования состоит в анализе развития исторических форм иранского национализма в контекстах идеальных моделей модернистской историографии. Предполагается, что националистические модернизации Каджаров и Пехлеви в иранской историографии воспринимаются через призму конструктивистского подхода. В статье проанализированы 1) проблемы неспособности национализма стать доминирующей и определяющей политической силой, которая конструирует основные

особенности развития общества и государства, 2) особенности развития и трансформации традиций политического и этнического национализма, 3) роль правящих династий Каджаров и Пехлеви в актуализации различных стратегий националистической модернизации. В статье показан потенциал сравнительного анализа исторических форм иранского национализма в контекстах конструктивистского подхода. Результаты исследования позволяют предположить, что 1) причины и формы кризиса националистического проекта в Иране могут быть адекватно описаны и проанализированы с использованием концептов Руритании и Мегаломании как идеальных типов развития национализма, сформулированных Э. Геллером в рамках социальной и культуральной истории в контекстах противостояния политических принципов нации и религиозных идеалов уммы; 2) современная система Ирана фактически стала попыткой институционализации компромисса между гражданской модернизованный Мегаломанией и традиционной шиитской Руританией, что привело к сочетанию политического национализма на международном уровне с признанием первенства шиизма.

Ключевые слова:

Иран, Каджары, Пехлеви, национализм, Эрнест Геллер, модернизация, идеальные модели, историческое воображение, Руритания, Магаломания

Введение. Изучение национализма принадлежит к числу важных направлений историографии. Залогом прогресса исследований национализма является междисциплинарность и отношение современного исследовательского сообщества к текстам классического канона работ о национализме. В число таких исследований мы можем отнести работы авторов, благодаря усилиям которых сложилась модернистская школа изучения национализма, вклад которой хорошо описан в историографии, но, как правило, ограничивается историей западных национализмов. В западной историографии национализма его историками были предложены идеальные модели, которые в большей или меньшей степени претендовали на универсальность, предлагая стратегии анализа националистических движений на различных этапах их истории.

Среди таких идеальных историографических конструктов особое место занимает модель Руритании и Мегаломании Эрнеста Геллера^[1], которая включает анализ модели развития национализма в многосоставном обществе, состоящем из сегментов, обозначенных как Руритания и Мегаломания. Основные положения модернистского канона в историографии национализма, в том числе – и в мусульманских регионах^[2; 3], хорошо известны и в достаточной степени описаны в научной литературе^[4; 5; 6]. Общим местом стало признание универсальности национализма, признание возможности переноса националистических институтов из одних обществ с развитыми социальными структурами в другие, которые были основаны на доминировании в большей степени традиционных или даже архаичных институтов. Последние воспроизводили систему социальных и культурных отношений, а также формальные или неформальные статусы и роли.

Историография иранского национализма обладает рядом особенностей. В западной историографии доминирует модернизм, объясняющий национализм как последствие политической модернизации и культурного конструирования идентичностей элитами^[7; 8; 9; 10]. Даже такой представитель примордиалистского течения в изучении национализма

как Э. Смит вынуждено признает, что современная историография является преимущественно модернистской [11]. В российской историографии влиятелен комплексный подход, основанный на изучении истории и современного состояния иранского национализма, включая его различные идеологические, политические и культурные проявления [12; 13]. Значительная часть российских авторов избегает обращения к методологическим аспектам, хотя некоторое количество методологии в современных отечественных исследованиях национализма присутствует, но приверженность авторов тем или иным принципам может не декларироваться открыто. В российских историографических условиях все штудии, сфокусированные на национализме условно можно разделить на модернистские и примордиальные. Эта дилемма присутствует не только при изучении западных национализмов, но и восточных, применение западных теорий к которым может показаться несколько искусственным. Поэтому, и возникает ситуация доминирования модернистских версий нации «по умолчанию» при анализе восточного материала, что актуализирует не только особенности модернистского канона, но и значительный его адаптивный потенциал для анализа иранских исторических контекстов. Иранский национализм в российской историографии принадлежат к числу неизученных проблем [14; 15; 16], если мы прочитываем «националистическое» как это делает западный модернизм в его классических версиях. Эта историографическая ситуация может восприниматься в категориях, предложенных М. Кромом, как следствие «деконструкции базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории и историографии», что поставило историков «в очень непростое положение: они по-прежнему могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников для построения нарратива», но «им явно не хватает понятийного аппарата для серьезных обобщений» [17]. Такая логика развития историографии стимулирует историков изучать более частные проблемы истории иранского национализма, избегая масштабных генерализаций. Вероятно поэтому в отечественной иранистике модернистский модус описания воспринимается как нечто чуждо.

Исходя из основополагающих идей модернистской историографии, автор в представленной статье определяет попытку националистического проекта в Иране как неудачную в силу воздействия двух факторов – Исламской Революции, установившей несветский режим и последующей маргинализации национализма новыми элитами, для которых ценности уммы были важнее принципов нации. Такая позиция характерна для политического дискурса ИРИ, представленного в текстах президента Ирана Махмуда Ахмадинежада (2005 – 2013), который утверждал, что «Богу не нужен был человек в контексте племени, этнической принадлежности и расы, потому что человеческая природа истина находятся за пределами расы и племени. Человек может достичь точки, в которой он станет полным отражением Бога на земле... иранцы никогда не были националистами и всегда думали о мире, так как Иран – это человеческая, божественная цивилизация мысли и культуры» [18], фактически отвергая универсалии национализма.

Историография вряд ли руководствуется только этим принципом, а процессы академической глобализации интегрируют иранских историков в международные контексты, убеждая их в универсальности модернистского модуса анализа, так как «сегодня необходимо продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [19], что актуализирует необходимость ассимиляции геллеровских моделей, о чем речь

пойдет ниже.

Целью статьи является анализ националистической модернизации как совокупности форм политического и культурного воображения иранских элит в контекстах идеальной модели социальных трансформаций, описанных Э. Геллнером, в рамках его дилеммы, представленной Руританией и Мегаломанией. В рамках теории английского историка эти два идеальных типа описывали процессы, завершением которых стало появление наций, воспринимаемых в качестве «воображаемых сообществ» [20], хотя перенос такой терминологии в иранские контексты может вызывать возражения. Задачи статьи ограничиваются изучением особенностей генезиса иранского национализма в период Каджаров в рамках основных попыток использования и применения принципов западного национализма в политический имперской проект Ирана XIX века, и анализом неудачного варианта политической модернизации династии Пехлеви под националистическими лозунгами в контекстах идеальной модели Руритании и Мегаломании, при помощи которой Э. Геллнер иллюстрировал историю развития национализма в Европе.

Модернистская историография национализма и попытки ее использования в востоковедении. Современная историография национализма в различных регионах разнообразна тематически, но большая часть исследований принадлежит к модернистской парадигме.

Модернизм утвердился в историографии в 1980-е гг., благодаря деятельности Б. Андерсона [20], Э. Геллнера [21] и Э. Хобсбаума [22]. Модернистская модель основана на нескольких положениях: 1) нации представляют собой конструкты, предложенные в рамках процесса политической, экономической и культурной модернизации; 2) конструирование нации имеет вторичный характер, так национализм конструирует нации; 3) нации представляют собой конструкты, основанные на искусственно унифицированных атрибутах (языки, национальные традиции, национальные истории), формирующих идентичность; 4) идентичность – условная, консенсусная категория, проявляющая себя через националистическое воображение и изобретений традиций.

Эти утверждения сторонников модернистского подхода успели стать «общими местами», превратившись в т.н. «большие нарративы», которые воспроизводятся в большинстве исследований, посвященных истории национализма [23]. Модернистский подход применялся для изучения ограниченного числа национализмов, что было связано с научными интересами историков, предложивших этот метод. В рамках данной парадигмы активно изучался национализм как явление социальной и культурной модернизации [24], а также общие вопросы истории националистического воображения и изобретения традиций [25]. Начиная с 1990-х гг. в историографии наметились тенденции расширения географии применения модернизма, что проявилось в работах, сфокусированных на интерпретации национализма как последствия социо-культурной модернизации в широкой европейской [26] и американской перспективах [27].

Модернизм на протяжении 1990 – 2000-х гг. вошел в число универсальных методологий для объяснения различных национализмов на региональном уровне. В 2000-е гг. в историографии были предприняты попытки расширения географии исследований национализма, выполненных в рамках модернистской методологии. История национализма в Азии [28], Африке [29], на Востоке [30] стала описываться вне парадигмы позитивистской истории, на смену которой пришли его множественные интерпретации как

одного из последствий модернизации, анализируемой в категориях социальной истории [31], культуральной истории [32], интеллектуальной истории [33].

Одной из стран, к которой была применена модернистская методология, оказался Иран. Анализ истории иранского национализма в рамках принципов, сфокусированных историками-модернистами, отражает родовые травмы этого направления, представленные чрезмерным вниманием к социальной истории, абсолютизации роли процессов модернизации [34], имагинативных и инвенционистских направлений деятельности интеллектуалов в институционализации нации как воображаемого сообщества [35] и обретения ею идентичности, представленной изобретенными традициями [36], спектр которых разнообразен, варьируясь от кодифицированного языка до канона национальной исторической памяти [37].

В исследованиях, посвященных иранскому национализму, его событийная, история редуцируется, становясь элементом анализа модернизации как процесса строительства нации. Эти родовые особенности оказали существенное влияние на то, каким образом теоретическая модель, основанная на его анализе в рамках идеальных образов Руритании и Мегаломании, применяется для изучения иранского национализма.

Дихотомия «Руритания» / «Мегаломания» Э. Геллнера в иранских контекстах Э. Геллнер – автор оригинальной теории национализма, основанной на его восприятии в качестве компонента культурной и социальной модернизации. Для его текстов характерна географическая широта, склонность к анализу социального компонента, что иллюстрировалось многочисленными примерами, а также применяемыми им идеальными моделями, делающими видимыми различия в развитии национализма. Самыми известными подобными моделями в геллнеровской теории стали Руритания и Мегаломания – два «идеальных» общества, призванных отразить общие тенденции в истории национализма. Предложенные Э. Геллнером в 1983 г. [38], эти модели позднее использовались другими историками [39; 40; 41], которые стремились подчеркнуть общее и особенное в развитии национализмов.

Применяя «идеальные» типы развития национализма, Э. Геллнер показал, что его эволюция может быть описана следующим образом. На территории неназванного домодерного государства проживали две крупные этнические группы – руританцы, которые были сельским населением, использовавшими в повседневной жизни родственные диалекты и мегаломанцы, являвшиеся жителями центральных районов, говорившие на своем языке, который отличался от руританского, принадлежа к другой группе. Если мы интегрируем геллнеровскую идеальную модель в иранские контексты, то следует актуализировать фактор гетерогенности домодерновых обществ на раннем этапе развития формирующегося национализма, примером чего является и Персия в XIX веке как многосоставное общество. Геллнеровская модель была основана если не на отрицании, то на радикальной редукции исторического домодерного компонента в истории национализма.

Концепция Э. Геллнера строится вокруг описания национализма как формы модернизации. Анализ этой компоненты в генезисе национализма отягощен, по замечанию Тураджа Атабаки, «не строгим противопоставлением традиции и современности» при поздних Каджарах и Пехлеви а тем, что «многие традиционалисты питали симпатии к современности, а многие модернисты – к традиции» [42]. Эта особенность подтверждает тезис болгарской исследовательницы А. Алипиевой о том, что

«национальная идея воспринимается как первозданная, а модернизм как культурный дискурс – как производная» [43]. В иранской историографии утвердился компромисс, иллюстрируемый приведённым выше допущением. Этничность конструируется интеллектуалами как изначально существовавшая категория в то время как попытки элит внести в нее корректизы путем модернизации оцениваются негативно, что связано не с развитием исторической науки как таковой, но с ее зависимостью от официального идеологического дискурса.

Иранская историография воспроизводит классические модернистские нарративы западных историков национализма, а также интеллектуалов иранского происхождения [44; 45], ставшими пионерами в ассимиляции модернистского языка для описания национализма и его адаптации под иранские культурные реалии. Для историков характерно именно такое восприятие национализма как «современного понятия, которого до создания национальных государств в Европе не существовало. Концепция национализма имеет смысл наряду с формированием интегрированных рынков, так как именно с интеграцией рынков и возникает необходимость в национальной идентичности» [46]. В иранской историографии национализма превалирует его конструктивистское прочтение, что не исключает различные датировки его появления, а сам спектр возможных дат рождения национализма редуцируется периодами Каджаров или Пехлеви.

Если мы обратимся к модели Э. Геллнера, то из нее следует, что значительная часть руританских крестьян принадлежала к церкви, где служба велась на языке другой группы – соответственно, многие священники говорили на языке, который не был понятен для руританских крестьян. На территориях компактного проживания руританцев и мегаломанцев присутствовали и другие этнические группы, занятые в сфере торговли. Геллнеровское допущение удачно иллюстрирует социальные и экономические реалии Ирана периода Каджаров, когда значительная часть буржуазии принадлежала к национальным и религиозным меньшинствам, примером чего является компания братьев Туманянц [47], которая стала достаточно эффективным экономическим институтом, действовавшим в сфере торговли и промышленности, что актуализирует именно имперский характер государственности Каджаров как многосоставного общества. В историографии заметна традиция связывать процессы национализации общества с социальными изменениями, в рамках которых «мелкой буржуазии в развитии постконституционного Ирана отводится определяющая роль», так как именно она вместе с шиитским духовенством «создала антилиберальный фундаментализм» [48], существенно повлиявший на основные траектории развития Ирана и подменивший собой национализм в западном понимании.

Перенося эти допущения Э. Геллнера в иранских контексты, мы находим пример многосоставного общества [49]. Если в начале XIX века особенности и закономерности в развитии тех регионов, население которых использовало азербайджанский вариант тюркского и фарси с социальной точки зрения в значительной степени были близки, так как представляли собой традиционные и домодерные группы, вынужденно втягивающиеся в процессы модернизации. История Ирана XIX в. представляет собой историю нескольких национализмов. Национализмы развивались параллельно, стимулируя друг друга, хотя структура политической элиты Каджаров была более пестрой, включая в себя азербайджанские и армянские элементы, подверженные влиянию идеологии гражданского иранского национализма, о чём, например, свидетельствует опыт Мохаммада Таги хана Песяна [50] – одного из лидеров последних

восстаний эпохи Каджаров. Мохаммад Таги хан Песян имел смешанное этническое происхождение, принадлежа к военно-политической элите Ирана. Его предки происходили из Карабаха, а сам офицер в большей степени ассоциировал себя с тюрками, став известным благодаря своей приверженности иранскому национализму и словам, приписываемых ему последующими поколениями националистов: «я не только люблю иранцев, но и поклоняюсь им... Если вы убьете меня, мои капли крови нарисуют слово Иран, и если вы сожжете меня, я стану его прахом, написав им имя своей родины» [\[51\]](#). Родиной в концептуальном плане для него, вероятно, был именно Иран как формирующаяся политическая и гражданская нация. Личные траектории этого иранского националиста иллюстрируют социальные и культурные мутации, допускаемые Э. Геллером, в рамках его собирательных образов Руритании и Мегаломании, актуализировавших общие тенденции развития национализма в модернизирующихся многосоставных обществах. Поэтому, если рассматривать рост тюркского азербайджанского национализма, то необходимо принимать во внимание и то, что он стал стимулом для консолидации азербайджанского [\[52\]](#) и иранского самосознания, так как в подобных многосоставных обществах имперского типа условное меньшинство нуждается во внешних и внутренних угрозах самости для актуализации и большей визуализации собственной идентичности.

Перенося геллеровскую модель в иранские контексты, мы, вероятно, можем определить Иран как Руританию в отношении которого Запад, представленный Британской и Российской Империями, выступал в качестве Мегаломании в силу того, что «западная цивилизация... стремилась своими колониальными и гегемонистскими устремлениями принести в жертву независимость Ирана ради своих колониальных интересов... Запад вынудил иранских интеллектуалов сформулировать идею иранского национализма... и написать историю в новом нарративе, который позволил преувеличивать прошлые успехи, вооружив нацию» [\[53\]](#) национализмом, направленным в том числе и против самой Европы, откуда Иран и позаимствовал националистические принципы.

Идеальная модель Э. Геллера, если мы ее используем для анализа иранского национализма, явно редуцирует роль внешних факторов до второстепенных, хотя в случае Персии XIX в. внешний фактор мог иранскими интеллектуалами восприниматься как определяющий, так как «несмотря на давность отношений между Ираном и Западом, эпоху Каджаров можно считать новой главой в истории развития этих отношений... Иранское общество в эпоху Каджаров, когда господствовали авторитарные диктатуры, а политическая, социальная и экономическая отсталость содействовала столкновению с новым лицом Запада. Растущий прогресс Запада в различных политических, социальных, экономических и культурных областях, которые обладали ослепляющей привлекательностью для элит создали опасность западной колониальной гегемонии, которая серьезно угрожала Ирану и иранцам в эпоху Каджаров, но иранское общество не могло закрывать глаза на реальность западной современности и прогресса, равно как и понимало опасность угрозы западного колониального господства» [\[54\]](#).

Анализируя иранский национализм в сравнительно-исторической перспективе, следует помнить и то, что в историографии сложился его образ как неудачного и вторичного национализма, воспроизведённого от других и альтернативных ему националистических проектов сообществ, которые в период Каджаров и Пехлеви были меньшинствами. Волнения в Иране в начале XX века [\[55\]](#) вполне укладываются в геллеровскую модель, отражая социальные и экономические изменения, связанные с процессами индустриализации и урбанизации. Город становился ареной социальных противоречий и

классовой борьбы, национального противостояния, которое протекало нередко под внешним влиянием, так как трети государства (в иранском случае – Российская империя и Британская империя) выступали в качестве стимулов для институционализации, воображения и изобретения, альтернативных национальных проектов в Иране [56]. Визуализация гражданской компоненты была особенно важна и актуальна для националистов именно в XIX веке, когда они декларировали лозунги конституционализма, указывая на необходимость борьбы с деспотией. Что касается альтернативной версии национализма, представленного идеями этничности [57], то последние в большей степени были реализованы уже при Пехлеви, так как политический режим Ирана до 1979 г. смог выработать свои механизмы реализации идеи гражданской нации, которая в ряде случаев носила имитационный характер.

Эти формы националистического воображения в Иране имели вторичный характер, будучи местными производными от попыток ассимиляции западного академического дискурса, представленного ориентализмом и иранистикой [58], что признается и иранскими авторами США и Европы в силу их интеграции в западную академическую среду [59; 60]. И ориентализм, и иранистика в рамках их интеграции в политические, культурные и интеллектуальные контексты Персии стимулировали развитие этнического и гражданского национализма, так как иранские националисты в интерпретации прошлого мало чем отличались от европейских единомышленников, находя, «воображая» и «изобретая», в собственном историческом опыте доказательства как в пользу необходимости нации в Иране в политическом (гражданском) и этническом измерениях.

Последние характеристики стали доминирующими в иранской модели исторического воображения, что привело к превращению категории «Irānšahr» в изобретенную историографическую традицию, определяемую Джавадом Табатабаем не просто как «имя, которым Сасаниды называли контролируемую ими территорию... и имя, известное уже в первые века исламского периода и неоднократно повторявшееся в исторических сочинениях», но в качестве особой категории, которая визуализирует «различия между этой страной и другими странами, позволяя историку описать ее характеристики и отличая от других стран» [61]. Применяя модель Э. Геллнера, иранские интеллектуалы синтезировали его идеи с попытками Р. Шпорлюка [62] локализовать национализм среди других идеологий современности, которые оперировали социальными [63], а не этническими категориями. Геллнеровские «Руритания» и «Мегаломания» в историографии превратились в «коллектив-сингуляры», определяемые Н. Копосовым, как «индивидуальные собирательные имена» [64], которые в состоянии описывать собирательные социальные (буржуазия, дворянство) категории и нарицательные процессы, включая революцию и национализацию. Поэтому, используя геллнеровскую модель для анализа истории иранского национализма, следует принимать во внимание, что и сами иранские интеллектуалы не чужды подобных рефлексий относительно собственного опыта национального строительства [65]. Они воспринимают одновременные и параллельные формы развития иранского и азербайджанского национализмов [66] и их идентичности как социальные и политические последствия модернизации [67]. В этой ситуации значительная часть работ иранских историков, сфокусированных на проблемах национализма, принадлежит к модернистской парадигме [68; 69]. Гетерогенность интерпретаций национализма в современной историографии Ирана стала следствием приобщения иранских интеллектуалов к классическим западным теориям [70], призванным описывать и интерпретировать националистический опыт.

Кроме этого ими ассилированы интерпретационные модели [\[171\]](#), применяемые для анализа истории иранского национализма и различных проектов идентичности. Поэтому попытка замены имперской модели национализма Каджаров привела к утверждению «редукционистского понимания концепции иранского национального государства, основанного на арийской расе и персидском языке» [\[172\]](#), что исключало из проекта иранской политической нации тюрок.

Ограничность модели истории национализма Э. Геллера в контекстах истории Ирана. Несмотря на определенные тенденции к универсализации модернистских интерпретаций национализма и его распространение в историографии, концепция, представленная в рамках дихотомии, предложенной Э. Геллером, периодически подвергается критике.

Оппоненты повсеместного использования модернизма для объяснения национализма полагают, что в некоторых странах эта доктрина возникла до начала политической и социальной модернизации, о чем, например, свидетельствует опыт государств, на территории которых существовали древние цивилизации, а их история актуализировала тенденции континуитета. К числу таких стран относится и Иран. В иранской перспективе менее эффективно используются модернистские теории модернизации, которые хорошо себя проявили при изучении национализма миноритарных групп Центральной и Восточной Европы или постколониальных обществ Северной и Южной Америки. Кроме этого, иранский национализм по формальным показателям не может быть определен как национализм меньшинства, что также в определенной степени снижает эффект от использования модернистских моделей интерпретации его истории.

Анализируя слабые стороны геллеровского объяснения национализма при помощи дихотомии «Руритания» / «Мегаломания», во внимание следует принимать и то, что предложенная Э. Геллером модель плохо объясняет роль шиитского фактора, хотя британский исследователь начал свою академическую карьеру с исследований, посвященных именно исламу, позднее переключив свое внимание на изучение общей проблематики национализма, редуцируя его до западного опыта. Вместе с тем, идеи, предложенные Э. Геллером в его ранних исследованиях, посвященных Северной Африки, в меньшей степени могут быть применимы к иранским контекстам в силу их значительной этнической и религиозной (шиитской) специфики.

В этой ситуации геллеровские Руритания и Мегаломания обречены на то, чтобы оставаться историографическими коллектив-сингулярами, «большими нарративами», удачными метафорами и аллегориями, вполне примененными для изучения истории национализма миноритарных и неравноправных групп на протяжении длительного исторического времени лишенных традиций собственной государственности. В случае смещения исследовательского внимания на Восток, в том числе – и в направлении Ирана, их потенциал может существенно снижаться, что вовсе не исключает универсальности модернистских интерпретаций и описательных моделей истории национализма, предложенных в первой половине 1980-х гг. англо-американскими историками и позднее развитых в международной историографии. Об этом, например, свидетельствует и достаточно глубокое знакомство с модернистскими идеями современных иранских историков, которые достигли значительных успехов не только в интеграции модернизма в собственные методологические языки историографии, но и частично смогли ассилировать концепцию, адаптировав ее для анализа местных исторических и культурных реалий социальной и политической модернизации, которая привела к универсализации принципов национализма в Иране, правда – с

определенными местными особенностями его интерпретации, которые стали следствием доминирования идей исламского фундаментализма и уммы, потеснивших и поставивших под сомнение национализм и нацию как его производную.

В целом, идеальные типы, предложенные Э. Геллнером, представляются вполне самодостаточными историографическими конструктами, которые могут использоваться и в рамках изучения истории иранского национализма, но их применение останется крайне ограниченным. Модели Э. Геллнера представляются вполне применимыми для изучения истории Персии периода Каджаров, когда страна начала делать первые шаги в направлении политической и социально-экономической модернизации, то есть фактически были предприняты попытки ликвидации описанной Э. Геллнером дилеммы, проявившиеся в стремлении элит выстроить свой вариант Мегаломании, то есть гражданской нации путем ассимиляции тюркских сообществ – условной персидской Руритании. Потенциал геллнеровских интерпретаций существенно снижается, если принять во внимание крах к 1979 г. попыток утверждения этнической нации в рамках политики Пехлеви. Вместе с тем, политика современной ИРИ вовсе не исключает использования идеальных моделей Э. Геллнера при анализе сложившихся политических реалий. Трансплантируя геллнеровское понимание национализма в современные иранские контексты, вероятно, следует констатировать достижение компромисса между Мегаломанией и Руританией: если первая представлена попытками консолидации идентичности и продвижением консолидированного образа Ирана как универсальной альтернативы западному проекту на международном уровне, то вторая – возобладавшей с 1979 г. шиитской политической теологией, апеллирующей не к принципам гражданской, но преимущественно религиозной идентичности.

Выводы. Использование идеальных моделей Руритании и Мегаломании, предложенных Э. Геллнером, позволяет анализировать иранский национализм не изолировано от современных ему европейских национализмов, но рассматривать его в рамках исторической динамики, актуализирующей общие закономерности в развитии западных и незападных национализмов. Идеальная модель Руритании и Мегаломании иллюстрирует те модернизационные процессы, благодаря которым Империя Каджаров в XIX веке и Пехлевийский Иран в XX столетии демонстрируют близость с европейским опытом националистического строительства. Идеальные типы, предложенные Э. Геллнером, применимы для изучения стартовых этапов истории модернизации, так как социальная и культурная динамика раннего национализма характеризовалась крайне негативными условиями, наличием значительных региональных и культурных диспропорций, неполных социальных структурах и институтах, а также в отсутствии классов, необходимых для националистической модернизации.

Обращение к идеальным типам Э. Геллнера в изучении иранского национализма выглядит корректно, если мы полагаем, что он по своим формам, уровню развития и достижениям сопоставим с европейскими аналогами. Эти параллели имеет смысл проводить на уровне социальной истории институтов, обеспечивших переход от традиционности к современности, от архаичных сообществ к модерной нации. Использование образов Руритании и Мегаломании как универсальных интерпретационных моделей актуализирует параллели с аналогичными явлениями в историческом наследии европейских национализмов. В этом контексте дилемма Э. Геллнера становится связующим звеном с другими историографическими конструкциями, включая теории «воображения сообществ» и «изобретения традиций».

Выявив значительный потенциал идеальных типов Э. Геллнера для изучения иранского национализма, особую актуальность обретает вопрос о провале националистического

проекта в Иране на фоне того, что европейские национализмы, развиваясь в значительной степени в близких условиях (или даже худших), смогли реализовать проект нации-государства. Анализируя крах иранского национализма в его светской, гражданской и этнической версиях, отталкиваясь от теоретических построений Э. Геллнера, мы актуализируем проблему иранских социальных аналогов западной буржуазии и рабочего класса. Подобный дрейф от идеальных региональных типов в направлении возможности или невозможности применения геллнеровской теории для изучения внешней социальной истории иранского национализма неслучаен, актуализируя значимость наследия Э. Геллнера как востоковеда и исследователя ислама, применявшего широкие культурные и социально-экономические обобщения.

Проведенный анализ (не)успешности иранского национализма свидетельствует о том, что его изучение возможно и с применением методологических языков западной модернистской историографии, включая идеальные типы Руритании и Мегаломании Э. Геллнера, при условии интеграции в более широкие междисциплинарные контексты с учетом достижений национальной иранской историографии.

Библиография

1. Ruini A. Ernest Gellner: un profilo intellettuale. Roma: Carocci, 2011. 256 p.
2. Gellner E. Saints of the Atlas. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 350 p.
3. Gellner E. Muslim Society. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1981. 267 p.
4. Lessnoff M. Ernest Gellner and Modernity. Cardiff: University of Wales Press, 2002. 224 p.
5. Stahl D. An Analysis of Ernest Gellner's Nations and Nationalism. L. – NY.: Macat, 2017. 105 p.
6. Kia M. Persianate Selves: Memories of Place and Origin Before Nationalism. Stanford: Stanford University Press, 2020. 336 p.
7. Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870–1940. Seattle: University of Washington Press, 2008. 200 p.
8. Sharifi M. Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham: Lexington Books, 2013. 375 p.
9. Zia-Ebrahimi R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. NY.: Columbia University Press, 2018. 312 p.
10. Smith A.D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33. No 1–2. P. 58–80.
11. Алиев С. История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН, 2004. 644 с.
12. Кожанов Н.А., Богачёва А.С. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 141–162.
13. Раванди-Фадаи Л. Особенности национальной политики в современном Иране // Вестник Российской Нации. 2013. № 1–2. С. 209–219.
14. Кирчанов М.В. Феминная телесность в массовой культуре Ирана: между обнажением и маргинализацией // Corpus Mundi. 2021. Т. 2. № 3 (7). С. 70–124.
15. Кирчанов М.В. "Арийский миф" как фронтальный случай изобретения традиций и исторического воображения незападных национализмов // Журнал фронтовых исследований. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 122–157.
16. Кирчанов М.В. Политика памяти в Исламской Республике Иран как незападная

- форма исторической политики (между ценностями уммы и принципами национализма) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 46–55.
17. Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю. Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94–125.
 18. Mahmud Ahmadinežād. Irānihā hicgāh nāsiyonālist nabudand – nāme bordan az Irān, nežādparasti nist [Махмуд Ахмадинежад, Иранцы никогда не были националистами, а упоминание об Иране – это не расизм] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1390. Mehr 1. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/1326/> (дата обращения: 03.01.2022)
 19. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 93–96.
 20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso, 1983. 256 p.
 21. Gellner E. *Conditions of liberty: civil society and its rivals*. NY.: Penguin Bookss, 1996. 225 p.
 22. The Invention of Tradition. Eds. E. Hobsbawm, T. Range. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 324 p.
 23. Grosby St. *Nationalism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 160 p.
 24. Hastings D. *Nationalism in Modern Europe: Politics, Identity, and Belonging since the French Revolution*. L.: Bloomsbury Academic, 2018. 361 p.
 25. Manan Ahmed Asif, *The Loss of Hindustan: The Invention of India*. Harvard: Harvard University Press, 2020. 336 p.
 26. Glenny M. *The Balkans: Nationalism, War, and the Great Powers, 1804–2011*. L.: Penguin Book, 2012. 800 p.
 27. Gordon R.A. *Cinema, Slavery, and Brazilian Nationalism*. Austin: University of Texas Press, 2015. 287 p.
 28. Kingston J. *Nationalism in Asia: A History Since 1945*. L. – NY.: Wiley-Blackwell, 2016. 326 p.
 29. Zamalin A. *Black Utopia: The History of an Idea from Black Nationalism to Afrofuturism*. NY.: Columbia University Press, 2019. 192 p.
 30. Yuko Kikuchi, *Japanese Modernisation and Mingei Theory: Cultural Nationalism and Oriental Orientalism*. L. – NY.: Routledge, 2004. 328 p.
 31. Ramírez C.S. *The Woman in the Zoot Suit: Gender, Nationalism, and the Cultural Politics of Memory*. Durham: Duke University Press, 2009. 256 p.
 32. Rambukwella H. *The Politics and Poetics of Authenticity: A Cultural Genealogy of Sinhala Nationalism*. L.: UCL Press, 2018. 178 p.
 33. López R.A. *Crafting Mexico: Intellectuals, Artisans, and the State after the Revolution*. Durham: Duke University Press, 2010. 424 p.
 34. Tehrani F., Amirkhani A. *The Effects of Identity, Culture and Ideology on the Formation of Iranian Cities*. Berlin: Dehnert und Heimsoth Verlag, 2021. 76 p.
 35. Meskoob Sh. *Iranian National Identity and the Persian Language: Roles of the Court, Religion, and Sufism in Persian Prose Writing*. Washington, DC: Mage Publisher, 2015. 178 p.
 36. *Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic* / Ed. M. Litvak. L. – NY.: Routledge, 2017. 300 p.

37. Davaran F. *Continuity in Iranian Identity: Resilience of a Cultural Heritage*. L. – NY.: Routledge, 2010. 287 p.
38. Gellner E. Nations and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 170 p.
39. Goldsworthy V. Inventing Ruritania: The Imperialism of the Imagination. New Haven: Yale University Press, 1998. 254 p.
40. Hall J. Taking megalomanias seriously: Rough notes // Thesis eleven. 2017. No 1. P. 30–45.
41. Laitin D. Turning Megalomanians into Ruritanians // Laitin D. Identity in formation: the Russian-speaking populations in the Near Abroad. Cornell: Cornell University Press, 1998. P. 243–260.
42. *Turaje Atābaki*. Taqizāde peyrow vafādār tajaddod āmeraneh bud [Турадж Атабаки, Тагизаде был верным последователем авторитарной современности] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1391. Mehr 15. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/7562/> (дата обращения: 03.01.2022)
43. Алипиева А. Утопии и модернизъм // Култура и критика. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна: LiterNet, 2003. С. 449–457.
44. Perceptions of Iran: History, Myths and Nationalism from Medieval Persia to the Islamic Republic / ed. A.M. Ansari. L. – NY.: I.B. Tauris, 2013. 257 p.
45. Adib-Moghaddam A. Psycho-nationalism: Global Thought, Iranian Imaginations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 178 p.
46. *Musā Qaniye Nežāde, Kiyāne Pārsā*. Nāsiyonālism, pāšneye āšil tajaddod irāni [Муса Ганиеджада, Киани Парса, Национализм – Ахиллесова пята иранской современности] // Šahrvande [Гражданин]. 1386. № 18. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/45734/> (дата обращения: 03.01.2022)
47. Nasrollāh Purmohammadi Amlaši, Mas'ud Ādinehwabd. Vākāviye naqšo jāygāhe kompāniye barādarāne Tumanyan dar vaz'iyyate eqtesāditejāriye Irān asre Qājār [Насрулла Пурмохаммади Амлиши, Масуд Адинехванд, Анализ роли и положения компании братьев Туманянц в экономико-коммерческой ситуации Каджарского Ирана] // Ganjineye asnād [Собрание документов]. 1396. № 3. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/376430/> (дата обращения: 03.01.2022)
48. Ali Ardestāni. Nāsiyonālisme eslāmi aleh liberālisme qarbi [Али Ардестани, Исламский национализм против западного либерализма] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1394. Xordād 1. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/7913/> (дата обращения: 03.01.2022)
49. Kāveye Bayāt. Aqvāme irāniyo mas'aleye vojude xārejiye ānhā [Кавех Баят, Иранские этносы и проблема их зарубежного существования] // Goftogu [Беседа]. 1376. № 16. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205241/> (дата обращения: 03.01.2022)
50. Kronin E. Kolonel Pesyān nāsiyonālisme enqelābi dar Irān / tarjome: Abdollāh Kowsari. Tehrān: Našre māhi, 1393. 140 s. [Кронин Ст. Полковник Песян и революционный национализм в Иране / пер. Абдулла Кавсари. Тегеран: Našre māhi, 1393. 140 s.].
51. Emili Omarāyi. Toqyāne Pesyān – Koloneli ke šahid nāsiyonālism šod [Эмили Омарай, Таги хан Пусян: полковник, ставший мучеником национализма] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1394. Xordād 8. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/5078/> (дата обращения: 03.01.2022)
52. Turaje Atābaki. Āzarbāyjāno nāsiyonālisme irāni [Турадж Атабаки, Азербайджан и иранский национализм] // Goftogu [Беседа]. 1381. № 33. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/51824/> (дата обращения: 03.01.2022)

53. Maryame Parvin. Rezāshāh šabahe nāsiyonālisme irāni [Марьям Парвин, Реза-шах и иранский квазинационализм] // Yāde ayyām [Память о прошлом]. 1388. № 54. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/126663/> (дата обращения: 03.01.2022)
54. Maryame Parvin. Qarb az didgāhe safarnāmenevisān irāni [Марьям Парвин, Запад глазами иранских писателей-путешественников] // Yāde ayyām [Память о прошлом]. 1389. № 55. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/126581/> (дата обращения: 03.01.2022)
55. Rezā Āzari Šahrezāyi. Dargirihāye qowmi dar Qafqāzo bāztābe ān dar Irān: negāhi be havādese āšub 1905 [Реза Азари Шахрезай, Этнические конфликты на Кавказе и их отражение в Иране: взгляд на события беспорядков 1905 года] // Goftogu [Беседа]. 1381. № 33. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/51830/> (дата обращения: 03.01.2022)
56. Kāveye Bayāt. Tahavvolāte xārejiyo masāele qowmi dar Irān [Кавех Баят, Зарубежные события и этнические проблемы в Иране] // Goftogu [Беседа]. 1372. № 3. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/51596/> (дата обращения: 03.01.2022)
57. Mohammad Bāqer Hešmatzāde, Seyyed Mohammad, Wahab Nazaryan, Solmāz Heydari Delfard. Nāsiyonālism az manzare šahrvandi dar asre Pahluye avval bā ta'kid bar qowmiyathā [Мохаммад Бакер Хешматзаде, Сейед Мохаммад, Вахаб Назарян, Солмаз Хейдари Дельфард, Национализм с точки зрения гражданства в эпоху первых Пехлеви с акцентом на этническую принадлежность] // Jostārhāye siyāsiye moāser [Современные политические исследования]. 1393. № 13. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/336967/> (дата обращения: 03.01.2022)
58. Ali Mohammad Tarafdāri. Naqše jaryānhāye šarq šenāsi dar peydāyeše tārixe negārihāye melli dar Irān; az Qājāriye tā pāyāne Pahluye avval [Али Мохаммад Тарафдари, Роль ориентализма и ирановедения в возникновении национальной историографии в Иране: от Каджара до конца первого периода Пехлеви] // Tārixe Eslām [История ислама]. 1396. № 2. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/376418/> (дата обращения: 03.01.2022)
59. Mapping the Role of Intellectuals in Iranian Modern and Contemporary History / ed. R. Jahanbegloo. Lanham: Lexington Books, 2020. 347 p.
60. Yaghoubian D. Ethnicity, Identity, and the Development of Nationalism in Iran. Syracuse: Syracuse University Press, 2014. 456 p.
61. Javād Tabātabāy. Resālei dar bāreye mafhume Irānšahr [Джавад Табатабай, Трактат о концепции Ираншахра] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1400. Āzar 24. URL.: <http://tarikhiran.ir/fa/news/8726> (дата обращения: 03.01.2022)
62. Szporluk R. Communism and nationalism. Karl Marx versus Friedrich List. NY: Oxford University Press, 1991.
63. Morād Saqafi. Capo porseše melli [Мурад Сакафи, Левые и иранский национализм] // Goftogu [Беседа]. 1372. № 3. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/215022/> (дата обращения: 03.01.2022)
64. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57–93.
65. Turaje Atābaki. Melliyat, qowmiyato xodmoxtāri dar Irān moāser [Турадж Атабаки, Национальность, этничность и автономия в современном Иране] // Goftogu [Беседа]. 1372. № 3. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/51598/> (дата обращения: 03.01.2022)
66. Kāveye Bayāt. Jomhuriye eslāmiyo mas'aleye Āzarbāyjān [Кавех Баят, Исламская Республика и вопрос Азербайджана] // Goftogu [Беседа]. 1381. № 33. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/215115/> (дата обращения: 03.01.2022)
67. Ahmad Ašraf, Hoviyate irāni [Ахмад Ашраф, Иранская идентичность] // Goftogu

- [Беседа]. 1372. № 3. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/215020/> (дата обращения: 03.01.2022)
68. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic / Ed. M. Litvak. L. – NY.: Routledge, 2017. 300 p.
69. Keddie N. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan 1796–1925. Costa Mesa, Cal.: Mazda Pub., 2012. 174 p.
70. Homeyrā Moširzade, Sajjāde Minadi. Tahlili lākāni az "nāsiyonālism" bolandparvāzāne dowlate Pahluye [Хомейра Моширзаде, Саджад Минади, Лакановский анализ амбициозного «национализма» правительства Пехлеви] // Siyāsat [Политика]. 1398. № 1. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/410092/> (дата обращения: 03.01.2022)
71. Kashani-Sabet F. Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1804–1946. Princeton: Princeton University Press, 2011. 328 p.
72. Nāser Sedqi, Mohammad Salmāsizāde. Vali Din Parast, Farhād Ja'fari, Nāsiyonālisme irāniyo mas'aleye Āzarbāyjāno zabāne torki: bā ta'kid bar majallāte dowreye gozār az Qājāriye be Pahluye [Насер Седги, Мохаммад Салмасизаде, Вали Динпараст, Фархад Джафари, Иранский национализм и проблема Азербайджана и турецкого языка: на примере периодических изданий эпохи перехода от Каджара до Пехлеви] // Tārīhe Eslāmo Irān [История ислама в Иране]. 1400. № 49. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/458204/> (дата обращения: 03.01.2022)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Руритания» и «Мегаломания» как «идеальные модели» в концепции национализма Э. Геллнера и перспективы ее применения для изучения истории Ирана»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах историзма, конкретности и системности. При написании статьи автор использовал такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция, дедукция и описательный. Кроме того, в работе использованы специальные исторические методы: историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический. Это дало возможность глубоко и всесторонне изучить исследуемую темы.

Актуальность исследования. Иран относится к одной из наиболее интересных стран, история, культура Ирана привлекает внимание исследователей в силу того, что это государство имеет многовековую и интересную историю и Иран, на протяжении многих-многих веков, несмотря на все перипетии сохраняет свою государственность и свое влияние. Стоит сказать еще о том, что история национализма в последние десятилетия является одной из важнейших направлений историографии в целом. Автор отмечает, что «в западной историографии национализма его историками были предложены идеальные модели, которые в большей или меньшей степени претендовали на универсальность, предлагая стратегии анализа националистических движений на различных этапах их истории». Он пишет, что «среди таких идеальных историографических конструктов особое место занимает модель Руритании и Мегаломании Эрнеста Геллнера, которая включает анализ модели развития национализма в многосоставном обществе, состоящем из сегментов, обозначенных как Руритания и Мегаломания» и отмечает, что

это хорошо описано в историографии. Далее он обращает внимание на то, что исследователи «признают универсальность национализма и возможность переноса националистических институтов из одних обществ с развитыми социальными структурами в другие, которые были основаны на доминировании в большей степени традиционных или даже архаичных институтов. Последние воспроизводили систему социальных и культурных отношений, а также формальные или неформальные статусы и роли». Автор дает характеристику историографии иранского национализма в западной и российской историографии, отмечает, что западная историография иранского национализма является модернисткой, а в российской историографии «влиятелен комплексный подход, основанный на изучении истории и современного состояния иранского национализма, включая его различные идеологические, политические и культурные проявления» и российскую историографию о национализме, «условно можно разделить на модернистские и примордиальные». И далее автор пишет, что такая «дихотомия присутствует не только при изучении западных национализмов, но и восточных, применение западных теорий к которым может показаться несколько искусственным. Поэтому, и возникает ситуация доминирования модернистских версий нации «по умолчанию» при анализе восточного материала, что актуализирует не только особенности модернистского канона, но и значительный его адаптивный потенциал для анализа иранских исторических контекстов. Иранский национализм в российской историографии принадлежат к числу неизученных проблем» и отсюда вытекает вывод, что исследуемая в статье тема является актуальной. Данная статья является попыткой изучения иранского национализма и по мнению автора статьи ее целью является «анализ националистической модернизации как совокупности форм политического и культурного воображения иранских элит в контекстах идеальной модели социальных трансформаций, описанных Э. Геллнером, в рамках его дихотомии, представленной Руританией и Мегаломанией».

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задачами. Новизна статьи определяется также тем, что в ней делается попытка исследовать иранский национализм и показать перспективы применения концепции Э. Геллнера для изучения истории Ирана.

Стиль статьи академический, ясный и четкий. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования, структура логично выстроена и состоит из следующих разделов: Введение (здесь автор дает характеристику историографии национализма в целом и историографии национализма в Иране, методологию исследований темы национализма, раскрывает цель и задачи исследования); Модернистская историография национализма и попытки ее использования в востоковедении; Дихотомия «Руритания» / «Мегаломания» Э. Геллнера в иранских контекстах; Ограниченностю модели истории национализма Э. Геллера в контекстах истории Ирана и заключения. Названия разделов четко показывают какие темы автор исследует и на что обращает внимание. Содержание статьи соответствует названию, текст логически выстроен и читается легко.

Библиография статьи является одним из несомненных достоинств статьи и показывает, что автор глубоко и всесторонне разбирается в теме и все источники подобраны так, чтобы раскрыть изучаемую тему и достичь поставленных задач.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне анализа, проведенного автором. Апелляция представлена также библиографией. Статья написана на интересную и актуальную тему и, представляется, что она вызовет интерес к проблеме национализма в целом и несомненно к проблеме национализма в Иране